

УДК 347.9

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РЕФОРМЫ СИСТЕМЫ СУДОВ ОБЩЕЙ
ЮРИСДИКЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОЕКТА ФЗ «О РЕФОРМЕ
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА»)**

Онищенко В. В., Калугин Д. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Стройность и последовательность развития правовых конструкций – важнейший элемент функционирования любой отрасли права, в особенности процессуальной, так как в ходе применения нормативных процессуальных положений реализуются материальные предписания, а потому фактическая необходимость и подготовленность правоотношений к законодательным отношениям не менее важна, чем правовая теоретическая допустимость и практическая реализуемость.

В ходе научной работы были исследованы предлагаемые изменения в гражданско-процессуальном законодательстве, внесенные Верховным Судом Российской Федерации, которые носят всеобъемлющий характер и затрагивают не только фундаментальные положения гражданского процессуального права, но и правовые идеи, лежащие в основе функционирования всей легальной формализованной системы регулирования общественных отношений.

Были проанализированы основные предложения в рамках исследуемого законопроекта на предмет соответствия теории права, принципам построения правовой системы России и гражданско-правовой отрасли, а также практические факторы, которые могут повлиять на эффективную реализацию обозначенных правовых конструкций.

Ключевые слова: гражданский процесс, гражданское процессуальное право, реформа, правовая система, процессуальное законодательство, гражданское судопроизводство.

Правовая система как легальный, властный механизм воздействия на общественные отношения и их упорядочивание находится в процессе систематической динамичной эволюции. Изменения должны не только отвечать уже сложившимся потребностям субъектов права во всем многообразии, но нередко и предвосхищать, направлять их, определяя вектор развития общественных и государственно-властных отношений. Подобное требование является актуальным применительно ко всем отраслям права: как материальным, так и процессуальным; как фундаментальным, так и имеющим более узкий предмет регулирования. Исключением не является и гражданское процессуальное право как совокупность единообразно понимаемых механизмов по реализации права на обращение в суд по защите нарушенного, оспариваемого права и иных отношений, составляющих сущность гражданского процесса.

Подобные изменения, идеи, предложения, касающиеся развития институтов гражданского процессуального права и отрасли в целом, имеют различных субъектов – носителей инициатив: научное и профессиональное сообщество и ряд других. Видится, что наиболее состоятельными будут инициативы не просто исходящие от профессионального сообщества, которое видит проблемы изнутри, но и инициативы, которые уже формально закреплены посредством внесения законопроекта в Государственную Думу РФ.

Предметом исследования является Законопроект № 383208-7, зарегистрированный 7.02.2018, как документ, отражающий тенденции и видение развития гражданского процессуального права, субъектом законодательной инициативы выступил Верховный Суд Российской Федерации. Кроме того, стоит отметить, что положения данного законопроекта были утверждены Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 03.10.2017 № 30. Объектом выступают гражданско-правовые отношения, которые затрагиваются предлагаемыми изменениями, а также теоретические правовые и подразумеваемые принципы гражданского процессуального права как объективный ориентир развития отраслевого законодательства. Документ предполагает внесение фундаментальных изменений, которые, как минимум, декларативно отражают мнение наиболее влиятельной части судебного корпуса России. Наравне с этим следует признать, что большая часть принятых законопроектов, инициатором которых был Верховный Суд РФ, крайне велика, что лишь подтверждает актуальность исследования, в рамках которого была поставлена цель – дать общую характеристику данному законопроекту, посредством анализа его положений и их состоятельности, соотносимости с уже существующими предписаниями, а равно с общеправовыми и отраслевыми принципами как императивными векторами развития правовых положений.

Стоит отметить, что законопроект предлагает множество нововведений, но не только в гражданское процессуальное законодательство, но и в процессуальное законодательство вообще, а потому его рабочее наименование «О реформе процессуального законодательства» вполне обосновано. Необходимо определить, что цель данного законопроекта – рационализация судебного процесса и снижение нагрузки на судебный корпус всех инстанций, что следует из пояснительной записки к законопроекту [2].

Такой комплексный характер предлагаемых изменений является обусловленным и последовательным ввиду взаимосвязанности нововведений, однако не менее важным является и изменение подхода законодателя к гражданско-правовым конструкциям и институтам. Сама концепция «континентального судопроизводства» всё более явным образом трансформируется в смешанную, комбинированную модель. Основанием данного утверждения видится, как минимум, расширенный перечень источников гражданского процессуального права, в рамках которого выделяется обобщение практики, разъяснения Верховного Суда РФ, что в свою очередь определенным образом говорит о смене видения правовой природы не только процессуального права, но и правовой системы России в целом. Подобная фундаментальность вносимых изменений вызывает не просто научный интерес, но и подлинную необходимость научного исследования с теоретической и практической, правоприменительной позиции. Исследуемые категории, предлагаемые нововведения определяют развитие права, а, следовательно, и развитие его законодательной формы существования на десятки лет, вырабатывая новые подходы к толкованию и правоприменению.

Предметная область исследования является достаточно масштабной и выходит за рамки отдельных институтов или субинститутов отрасли. Мы должны говорить о реализации общеправовых и отраслевых принципов в пределах предлагаемых нововведений, о единстве правовой материи и последовательности развития правовой легальной мысли, что имеет не только теоретическое значение, но и практическое.

Следуя вышеуказанным доминантам, мы можем говорить об уменьшении случаев противоречивости, нестройности правовых норм, о наличии правовых пробелов и правовых абстракций, которые лишь затрудняют процесс толкования и унифицированного понимания смысла процессуальной нормы. Из этого следует, что соответствие подобным требованиям ведет к единообразному правоприменению гражданско-процессуальных норм, что является подлинным механизмом защиты прав участвующих в деле лиц и лиц, имеющих интерес в рамках рассмотрения данного дела.

Первое предложение, которому необходимо дать оценку, – расширение категории дел, подлежащих рассмотрению и разрешению в упрощенном производстве посредством увеличения денежного предела категории таких дел – до пятисот тысяч рублей в судах общей юрисдикции со ста тысяч рублей, установленных в действующем законодательстве [1].

Подобное нововведение является наименее спорным с нашей точки зрения. Стоит отметить, что упрощенное производство, в первую очередь, призвано предоставить «облегченный порядок» рассмотрения дела с учетом его денежной характеристики и общественной сущности. Сложно судить, насколько обоснованным является порог в пятьсот тысяч рублей, однако в принципиальном смысле это не меняет институт упрощенного производства, а потому такая возможность функционирования данного механизма вполне приемлема.

Прибегая к комплексному анализу и ретроспективной оценке имеющегося опыта, мы можем говорить, что подобное увеличение денежного порога как основания категоричности дел является эффективным с позиции реализации. Это связано прежде всего с динамичным развитием экономических денежных отношений, материальное содержание которых постепенно растет. Обращаясь же к правовым предпосылкам, мы должны говорить о том уровне функционирования судебной системы, при котором применение конструкции упрощенного производства не будет нарушать права сторон, участников, а исход дела будет соответствовать заявленным целям гражданского процесса. Несмотря на то, что подобное основание носит правовой характер, данное свойство лежит вне правовой формальной сферы, а характеризует уровень правовой культуры, правосознания и сложившихся правоотношений в обществе как фактически имеющихся.

Длительное время является дискуссионным вопрос о профессиональном представительстве как дополнительной гарантии защиты прав и законных интересов субъектов гражданского процесса. В рамках законодательной инициативы предлагается решить этот вопрос достаточно однозначно – посредством введения обязательного наличия юридического образования для представителя. Однако видится, что вполне обоснованы замечания Правительства Российской Федерации, касающиеся поэтапного введения института профессионального представительства, начиная с вышестоящих инстанций, постепенно распространяя опыт функционирования данной юридической конструкции на первичные инстанции [3]. Таким образом, будет дана возможность постепенного перехода на профессиональное представительство, формирования не только нормативных положений, но и осуществления сложившейся практики реализации данных требований.

Моделируя ситуацию, предложенную субъектом законодательной инициативы, необходимо отметить, что подобное предложение нарушит сложившуюся систему

судебного представительства как правового института вообще [7]. Будет иметь место дисбаланс между запросами на реализацию права представительства и существующими возможностями реализации данного права, а, обращаясь к принципу диспозитивного регулирования, которое, как нам видится, наиболее применимо в данном случае, лицо имеет право на избрание любых средств и форм защиты своих прав, в том числе и в суде, которые не запрещены законом, что является достаточно обоснованным, учитывая превалирующую диспозитивную природу отношений, которые рассматриваются и разрешаются в рамках гражданского процесса. Таким образом, вполне корректно утверждать, что необходимо последовательно реализовывать предлагаемую конструкцию, оставляя возможность привлечения лиц без юридического образования в качестве представителя, определяя данную возможность как исключительный случай в силу жизненных обстоятельств или правового статуса лица, являющегося представителем – например статус близкого родственника и иные допустимые возможности.

Необходимо предоставить обоснование введению в процессуальное законодательство института поверенного и участия последнего обязательно совместно с представителем, поскольку предлагаемый механизм участия поверенного в деле может повлечь увеличение судебных издержек, в то время как его полномочия ограничены лишь правом дачи пояснений по иску и правом получать адресованные лицу, участвующему в деле, судебные извещения и вызовы, копии судебных актов. Предполагается, что к поверенному не будут применяться требования о наличии высшего юридического образования, однако его статус, исходя из полномочий и обязанности ведения дела представителем, вызывает сомнения в части рациональности такового. Сложно обосновать необходимость института поверенного в гражданском процессуальном праве, так как непосредственно фактически сформировавшиеся обоснования его введения не сформулированы в рамках сопровождающих законопроект документов, а вытекающие из предлагаемых требований к представителю правовые вопросы видятся недостаточными для разъяснения необходимости такого института.

В рамках предлагаемых изменений в конструкции гражданско-процессуального законодательства поверенный как правовая модель гражданского процесса является необходимым лишь в силу сужения категории «представитель» рядом новых требований. Субъект законодательной инициативы предпринимает попытку выстраивания взаимосвязанных явлений, однако, исходя из повышения финансовой нагрузки на стороны, всеобъемлющего характера предмета отрасли и судебной практики по решению вопроса о возмещении расходов на услуги представителя, имеет место явный дискриминационный, ограничивающий элемент, препятствующий лицам выбирать своего представителя. Таким образом, соотношение заявленной цели – повышение юридического уровня проводимого процесса и издержки в следствии её достижения – неравный доступ к представительству и ограничение прав участников дела является несоизмеримым, что требует постепенного, «переходного» способа введения подобных требований к представителю в рамках гражданского процесса.

Наиболее радикальным, потенциально дискуссионным является предложение о формулировании общего правила об отсутствии мотивировочной части как составного элемента решения суда. Мотивировочная часть, как предлагается, будет состояться либо в силу закона, либо по заявлению сторон по аналогии с ныне дей-

ствующим порядком получения мотивировочной части в рамках рассмотрения и разрешения дел мировым судьей.

Подобное предлагаемое нововведение не соответствует сложившимся, действительным общественным отношениям в сфере рассмотрения и разрешения дел. Сегодня обращение в апелляционную инстанцию в процентном соотношении крайне велико, что неизбежно требует наличия основания для решения суда первой инстанции [6]. А потому данное предложение является малоэффективным ввиду узости сферы фактического применения. Более того, стоит отметить роль субъективных факторов и наличие несовершенства в личностной, моральной характеристике судебного корпуса, что создает лишь дополнительные механизмы для давления на участников и невыполнение функций по составлению мотивировочной части решения. Опираясь на вышесказанное, можем говорить об однозначной практической нереализуемости данного положения с точки зрения эффективности, рациональности и своевременности ввиду недостаточной развитости общественных и правовых отношений, а равно и механизма осуществления правосудия на территории Российской Федерации.

В силу закона предлагается выносить «полные» решения в порядке заочного производства и при рассмотрении дел: по спорам о детях; о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью; о правах граждан на жилое помещение; о восстановлении на работе (службе); о защите пенсионных прав; о защите прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц; по корпоративным спорам; связанных с обращением взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Объективным видится решение о внесении в перечень дел, в рамках которых обязательно составление мотивировочной части, той группы решений, которые вынесены в рамках заочного производства. Сформулированная нами объективность видится в отсутствии ответчика в ходе судебного разбирательства, а потому подобный механизм позволит ему дистанционно ознакомиться с результатами дела и оценить основания, к которым обращается суд для мотивации своего решения. Пленум Суда исходит из «усеченности» конструкции заочного производства как такового, а потому нуждающегося в дополнительных гарантиях, которые, в свою очередь, и были предусмотрены. Подобная проработанность и последовательность регламентации в совокупности с фактическим развитием общественных отношений имеет высокие шансы на эффективность реализации в рамках «презюмируемой немотивированности решений».

Иные категории дел, в решениях которых в обязательном порядке предусмотрена мотивировочная часть, занимают особое место среди всех дел, рассматриваемых и разрешаемых в ходе гражданского судопроизводства. Это дела, для которых предусмотрены дополнительные механизмы обеспечения прав и законных интересов лиц путем привлечения дополнительных участников разбирательства: прокурора, государственных и муниципальных органов, а также наличия в рамках данной категории дел особенностей процедурного механизма и оснований его реализации, что неизбежно влечет к необходимости наличия мотивировочной части для уточнения позиции суда в контексте оснований рассмотрения и разрешения дела.

Кроме того, в случае признания иска ответчиком в мотивировочной части решения суда может быть указано только на признание иска и принятие его судом, а в

случае отказа в иске в связи с признанием неуважительными причин пропуска срока исковой давности или срока обращения в суд в мотивировочной части решения суда указывается только на установление судом данных обстоятельств.

Необходимо акцентировать, что понятие «мотивированность» включает в себя не только обоснование выводов суда по имеющейся доказательственной базе, но и оценку всех доводов сторон, которые были учтены в судебном решении или были отклонены судом. Отсутствие мотивированного судебного акта может снизить уровень ответственности за принимаемые судебные постановления. Подобное мнение высказало Правительство РФ в отзыве на законопроект [3].

Видится, что субъект законодательной инициативы решил идти по радикальному пути, пытаясь максимально рационализировать, на его взгляд, судебный процесс, что кажется нам неверным и необоснованным. Однако само предложение не лишено оснований иметь достаточно органичное воплощение в правовую жизнь. Подобное нововведение как предоставление мотивировочной части по заявлению сторон за исключением законодательно предусмотренных случаев возможно лишь тогда, когда судебная система не просто будет в полной мере соответствовать заявленным принципам, но и будет пользоваться доверием у субъектов гражданского процесса, у общества в целом, а потому подобное изменение на сегодняшний день является однозначно форсированным и фактически нереализуемым в соответствии с принципами законности [4, с. 11].

Необходимо отметить, что в рамках законопроекта предоставляется возможность ссылаться на постановления пленумов Верховного и Арбитражного Судов Российской Федерации, постановления Президиума Верховного суда РФ и обзоры судебной практики, утвержденные им же [1]. Кроме того, что это разрушит всю теоретико-правовую систему России, выведет на новый уровень вопрос о роли уже не только Пленумов Верховного Суда РФ, но и иных актов как источника права, это также поставит вопрос о сущности данных правовых актов. К данному предложению в сравнении с иными, касающимися мотивировочной части, наименьшее количество вопросов.

Природа актов Верховного Суда РФ и аналогичных им до сих пор не поредела и носит противоречивый характер. С одной стороны, это обобщение практики – выявление медианы, наиболее часто применимой позиции толкования той или иной конструкции; с другой стороны, это обособленное видение наиболее квалифицированного судейского корпуса по тем или иным вопросам, которое нередко отличается от фактически преобладающего судебного толкования на практике. В то же время не приходится говорить о правовой природе таких актов, так как они носят нормативный, но корпоративный характер, отражая специфику функционирования профессиональной, хотя и публичной деятельности – судебной, которая реализует функции правосудия. Если рассматривать данную категорию с точки зрения независимости, самоуправления судебной системы в рамках принципа разделения властей, то мы можем говорить о нормативных актах, имеющих силу в рамках судебного сообщества как организационной единицы, а не как действующего элемента государственного механизма правоприменения, где источники, основания нормативного легального поведения смысловым образом определены, а судебные решения являются персонифицированным, порождающими юридический факт и являющийся им, а не творящими норму [5, с. 45]. С точки зрения фактической обоснованности и форми-

рующейся комплексной, смешанной правовой системы России, мы можем говорить о наличии не нормы, а официального (легального) толкования. Таким образом, стройность теоретической и фактической сущности правового строения государства останется прежней, необходимо лишь точным образом определить компетенцию Верховного Суда РФ в рамках исследуемого вопроса.

Необходимо сделать акцент на том, что подобные предлагаемые к принятию на законодательном уровне категории могут быть воплощены в изначальном виде, в рамках внесенного законопроекта, однако в подобном случае изменения в гражданское процессуальное законодательство будут слишком велики, а для их осознания и должного правоприменения потребуются годы. Имеют место конструкции, которые органично займут место в системе гражданского процессуального права и должным образом восполнят законодательные пробелы современной регламентации исследуемых отношений. Среди таких можно выделить: правовая регламентация статуса помощника судьи, расширенная регламентация упрощенного порядка рассмотрения гражданского дела, формирование новой правовой основы для института представительства с поэтапным (переходным) применением, ряд узконаправленных изменений юридических формулировок и конструкций, позволяющие уточнить сущность регулируемых отношений и процессуальный порядок осуществления подобного воздействия.

В заключение хотелось бы отметить, что в целом документ не исчерпывается лишь освещаемыми инициативами, которые действительно имеют место при последовательной и системной коррекции, однако видится, что данный законопроект является не только глобально-реформаторским по масштабности изменений, но и программным документом, который отражает намерения и видение судебной системы в сфере гражданского судопроизводства «сверху», а потому о претворении в жизнь сущностных идей в основе предлагаемых изменений сомневаться не приходится.

Список литературы:

1. Законопроект № 383208-7 «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] : законопроект / Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). – Москва, 2018. – Режим доступа: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/383208-7>, свободный
2. Пояснительная записка к законопроекту № 383208-7 [Электронный ресурс] : пояснительная записка – сопроводительная документация законопроекта / Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). – Москва, 2018. – Режим доступа: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/383208-7>, свободный
3. Замечания Правительства Российской Федерации на законопроект [Электронный ресурс] : Заключение Правительства РФ – сопроводительная документация законопроекта / Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). – Москва, 2018. – Режим доступа: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/383208-7>, свободный
4. Борисова Е. А. Гражданское процессуальное законодательство России: традиции и развитие / Е. А. Борисова // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2015. – № 1. – С. 7–14.

5. Кудрявцева Е. В. Внедрение информационных технологий в гражданский процесс и принципы гражданского процесса / Е. В. Кудрявцева // Вестник судейского сообщества Белгородской области. – 2016. – № 5. – С. 43–48.
6. Малешин Д. Я. Гражданский процесс России: романо-германский, англосаксонский или смешанный тип? / Д. Я. Малешин // Журнал российского права. – 2010. – № 12.
7. Малешин Д. Я. Российский гражданский процесс: между континентальным и общим правом / Д. Я. Малешин // Защита прав в России и других странах Совета Европы: современное состояние и проблемы гармонизации. Сборник научных статей. Отв. ред. Г. Д. Улетова. – Краснодар, 2011.

Onishchenko V. V., Kalugin D. A. On some problems of the reform of the system of courts of General jurisdiction (based on the materials of the draft Federal law " on the reform of procedural law // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 2 (68). № 1. – P. 221–229.

Harmony and consistency of the development of legal structures – an important element of the functioning of any branch of law, in particular procedural, as in the course of the application of procedural regulations material requirements are implemented, and therefore the actual need and preparedness of legal relations to legislative relations is no less important than the legal theoretical admissibility and practical feasibility.

In the course of the scientific work the proposed changes to the civil procedure legislation introduced by the Supreme Court of the Russian Federation, which are comprehensive and affect not only the fundamental provisions of civil procedure law, but also the legal ideas underlying the functioning of the entire legal formalized system of regulation of public relations, were investigated.

The main proposals within the framework of the studied draft law were analyzed for compliance with the theory of law, the principles of building the legal system of Russia and the civil law industry, as well as practical factors that can affect the effective implementation of the designated legal structures.

Key words: civil process, civil procedural rights, reform, legal system, procedural legislation, civil proceedings.

Spisok literatury:

1. Zakonoprojekt №383208-7 «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Elektronnyy resurs] : zakonoprojekt / Sistema obespecheniya zakonodatel'noy deyatel'nosti Gosudarstvennoy avtomatizirovannoy sistemy «Zakonotvorchestvo» (SOZD GAS «Zakonotvorchestvo»). – Moskva, 2018. – Rezhim dostupa: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/383208-7> , svobodnyy
2. Poyasnitel'naya zapiska k zakonoprojektu №383208-7 [Elektronnyy resurs] : poyasnitel'naya zapiska - soprovoditel'naya dokumentatsiya zakonoprojekta / Sistema obespecheniya zakonodatel'noy deyatel'nosti Gosudarstvennoy avtomatizirovannoy sistemy «Zakonotvorchestvo» (SOZD GAS «Zakonotvorchestvo»). – Moskva, 2018. – Rezhim dostupa: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/383208-7> , svobodnyy
3. Zamechaniya Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii na zakonoprojekt [Elektronnyy resurs] : Zaklyucheniye Pravitel'stva RF – soprovoditel'naya dokumentatsiya zakonoprojekta / Sistema obespecheniya zakonodatel'noy deyatel'nosti Gosudarstvennoy avtomatizirovannoy sistemy «Zakonotvorchestvo» (SOZD GAS «Zakonotvorchestvo»). – Moskva, 2018. – Rezhim dostupa: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/383208-7> , svobodnyy
4. Borisova Ye. A. Grazhdanskoye protsessual'noye zakonodatel'stvo Rossii: traditsii i razvitiye // Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta. — 2015. — № 1. — S. 7–14.
5. Kudryavtseva Ye. V. Vnedreniye informatsionnykh tekhnologiy v grazhdanskiy protsess i printsipy grazhdanskogo protsesssa // Vestnik sudeyskogo soobshchestva Belgorodskoy oblasti. — 2016. — № 5. — S. 43–48.
6. Maleshin D. YA. Grazhdanskiy protsess Rossii: romano-germanskiy, anglosaksonskiy ili smeshannyy tip? // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2010. — № 12.

7. Maleshin D. YA. Rossiyskiy grazhdanskiy protsess: mezhdou kontinental'nym i obshchim pravom // Zashchita prav v Rossii i drugikh stranakh Soveta Yevropy: sovremennoye sostoyaniye i problemy garmonizatsii. Sbornik nauchnykh statey. Otv. red. G.D.Uletova. — Krasnodar, 2011.